НИНА МОЛЕВА

ОНИ ВЫБРАЛИ РОССИЮ

Нина Михайловна Молева — профессор, доктор исторических наук, кандидат искусствоведения, член Союза писателей СССР и РФ, член Союза художников СССР, член Комиссии по монументальному искусству при Московской городской думе.

РУССКИЕ СУДЬБЫ

Твои воспоминания о лютиках всех нас очень тронули. В самом деле, нигде в уезде нет таких лютиковых полей, как в саду Спасского (Лутовинова). Но не такие это сорняки, как кажется. Недавно у Лаврецких нам пришлось слышать целую лекцию о том, что принадлежат они к одному семейству и с пионами, и с анемонами, и с диким хмелем. Не знаю, сколько в этом правды, но что называется лютик Адонисом, это верно. Не тот ли, которым врачуют сердечные болезни?..

Софья Порфирьевна Лихнякович — Стефану Львовичу Лаврову. 1890-е годы. «Тургениана». Сборник статей и материалов. Орел, 1999. С. 158.

Их нельзя было купить. Ни на улице. Ни на рынке. Ромашки, ландыши, васильки — но лютики!.. Темная, будто ловкими ноженками вырезанная зелень — и жидкий припорох круглых золотистых лепестков. Другое дело на лугу, когда желтая россыпь даже в ненастный день набрасывала на траву зыбкую солнечную пелену.

И все равно они появлялись. Год за годом. В высокой четырехгранной вазочке посреди стола. Стояли неделями. Уже облетевшие. Пучком растрепанной травы. Другие цветы меняли с первыми привядшими лепестками. Лютики — нет. Их не выбрасывали — с ними будто расставались. Долго оттягивая неизбежное. Так было до 41-го. И после войны. В комнате, которая жила для мебели.

Оттоманка под кавказским, в геометрических узорах паласом. Книжный шкаф с упирающимся в потолок большим черным глобусом звездного неба. Дубовый стол. Полдюжины широких, с высокими плетеными спинками стульев. И снова стол — письменный, с латунными замками и грузным бронзовым письменным прибором. Под ним без труда помещалась пара ковровых пуфиков. Пианино с затейливыми подсвечниками и винтовым табуретом. Фисгармония — с

потертым сукном на педалях мехов и литыми ручками по бокам.

Книжные, до потолка полки на общей с соседями стене — чтобы скрыть дверь и не так явственно слышать чужие голоса. На двух других — пристроенное боком трюмо в раме красного дерева и карта мира Меркатора. Такой проекции картографы больше не печатали. Поэтому в непривычно растянутом овале земного шара продолжала жить Российская империя.

Чтобы сдвинуться с места, надо было передвигать, задвигать, обходить. Вещи срослись, тесно прижатые друг к другу: ни переставить, ни тем более продать или выбросить. У них было общее с людьми прошлое. И надежда. Они позволяли теплиться надежде. Что-то еще образуется. Что-то установится. Четырнадцать квадратных метров снова станут квартирой, домом, и тогда... «Мирное время», как его называли, было совсем рядом. Одинаково очевидное и нереальное.

Жизнь замкнулась в треугольнике: Ливны (Орел)—Варшава—Париж. Почти как в советской песне: «Иркутск и Варшава, Орел и Каховка — этапы большого пути...» Но это для следующего поколения. У Нины Илларионовны был свой треугольник: Ливны—Петербург—Воронеж.

Ей не исполнилось десяти, когда овдовевший отец отправил дочь в какой-то петербургский пансион. Почему-то немецкий. Она свободно писала незатейливые записочки на двух языках, имела общее представление о «естественной истории», научилась жесткому порядку, но дочерям такого эксперимента не пожелала. О пансионе никогда ничего не рассказывала. Разве что при случае называла столичные улицы, сады Петергофа, утренники в ложе Мариинки.

Дожидаться выпуска отец не стал. Средства были на исходе. Пока он думал о женихах для бесприданницы, невеста в свои неполные шестнадцать сама откликнулась на явный интерес местного помещика Стефана Львовича Матвеева и настояла на немедленной свадьбе. Заказанное у местных мастериц приданое довозили в дом молодых уже после венца. Так не было принято, но невеста была из Мудровых: местные знали крутой характер этой семьи.

Спокойный и мягкий Стефан Львович не чувствовал необходимости проявлять свою волю. В службу он не вступал. Хозяйством не интересовался. Забавлял себя чтением множества выписывавшихся журналов и ежедневными поездками в гости. Ровенские, Пшицкие, Матвеевы, Лутовиновы, Знамеровские — приглашений родных и знакомых хватало на все дни года. После женитьбы можно было рассчитывать на их ответные визиты в родной Богдановке. Никто не сомневался: молодая будет в восторге.

...Они встретились, когда она в первый раз вошла в богдановский дом: от свадебного путешествия по взаимному согласию решили отказаться. Новая хозяйка и старенький инструмент с пожелтевшими до янтарного отсвета клавишами и давно не чищенной медной дощечкой: «1793. Данциг» — где зелень стерла имя мастера. Гармониум, как называла его Нина Илларионовна на петербургский манер, звучал редко. Мало кто из гостей имел навык играть на нем. Место гармониума было в укромном уголке гостиной.

Сама Нина Илларионовна — никто из близких не вспоминал об ее игре, хотя ноты выписывались регулярно от Юргенсона, из Орла. После рождения четырех детей у нее открылись иные интересы. Из пансиона осталась привычка все записывать. По дням. Теперь это были расходы и доходы. Всяческого рода советы и рекомендации. Народные рецепты. Оказалось, что молодая хозяйка Богдановки — четвертый ребенок родился, когда ей не исполнилось двадцати четырех, — научилась заговаривать рожу, зубную и головную боль, «кровь» — останавливать кровотечение и даже «отводить тоску». Чердак овина заполнился лекарственными травами. В доме появились разного рода медицинские журналы и знаменитый «Самолечебник по гомеопатии» доктора Соловьева,

открывшего в Петербурге целую стационарную гомеопатическую клинику.

Почвы для опытов было предостаточно. В Богдановку, на черный двор потянулись крестьянские телеги с хворыми. В комнате барыни появился широкий холщовый фартук до пола: барыня не брезговала сама пускать гной, делать перевязки. Не слишком это занятие любила, но в помощи не отказывала никому: до земского врача было двадцать с лишком верст. Практикующие доктора и вовсе не возражали: в Богдановке все делалось бесплатно.

Толстые общие тетради — «брульоны», — переплетенные по-домашнему, в синие бумажные переплеты с тканевыми уголками, начинались со старательно переписанной бисерным почерком Нины Илларионовны речи «русского Гиппократа», как называли доктора Матвея Яковлевича Мудрова:

«Научитесь прежде всего лечить нищих, вытвердите фармокопею бедных; вооружитесь против болезней домашними снадобьями: углем, сажей, золой, травами, кореньями, холодной и теплой водой; употребите в пользу бедных ваших больных стихии — огонь, воздух, воду, землю — пособия, никаких издержек не требующие, и к этому приличную пищу и питье, ибо бедность не позволяет покупать лекарства из аптеки».

Но гармонии в семье не получилось. Муж не изменял старым привычкам, жена год от года приобретала все новые. Со временем дочери между собой решили: все началось с «кабинета». Дела по Богдановке разрастались. Прием больных увеличивался. Нина Илларионовна решила выделить себе в доме «кабинет», куда и устремились посетители. Меблировка оказалась необычной. Посередине комнаты стол, на котором в стойке стояли «брульоны», и недалеко от окна гармониум — его хозяйка без разговоров забрала из гостиной. Вместе со стопкой лежавших на крышке нот.

В «кабинете» кипела жизнь, шли разговоры, споры. Стефан Львович устраивался в углу другой комнаты, заставленной журналами и книгами. Большой. И очень прохладной: так что приходилось кутаться в теплый халат. Печь на «библиотеку» и соседнюю, запертую в обычные дни залу была одна, топилась раз в день, и то, по выражению хозяйки, «без роскошества».

Когда «мирное время» кончилось, Нине Илларионовне с помощью своих вылеченных больных удалось перебраться в Воронеж. С гармониумом, письменным столом и Петром Петровичем. Петр Петрович, индийский декоративный красно-коричневый петушок с огненным гребнем и ярко-желтыми сапогами, поселился в одной с хозяйкой комнате. Под ее кроватью. Откуда три раза в ночь объявлял время так, что было слышно в соседних домах. Слабость, которую прощали знаменитой знахарке. Петра Петровича начинали немедленно лечить, если он чихнул, от насморка, если захрипел — от ангины и непременно от хандры. Хозяйка не сводила с него глаз. Впрочем, так же легко она вылечила от начавшейся в Воронеже холеры и своего внучатого зятя, не дав даже вызвать врача.

Воронеж означал спасенную жизнь — Богдановкой орловское ЧК заинтересовалось уже летом 1918 года. И одиночество: семья разлетелась по разным местам. Проводить Нину Илларионовну в последний путь оказалось некому. Опоздавшая старшая дочь забрала в Москву память о матери: гармониум вместе с пачкой нот, письменный стол с «брульонами» и двумя тонкими книжонками в бумажных переплетах. Бледно-желтая, изданная в 1790-х годах в Вильне, — профессора местного университета Иосифа Франка, предложившего метод обязательного составления и сопоставления историй болезни пациентов. Лиловосерая, появившаяся в 1820-х годах во Владимире, — «Краткое наставление о холере и о способе, как предохранить себя от оной» доктора Матвея Яковлевича Мудрова, профессора Московского университета, основавшего в нем медицинский факультет. Матвей Яковлевич собрал «по методе Франка» сорок томов таких историй. На немецком и русском

языках, с пометками Нины Илларионовны.

Старшую дочь не интересовала ни медицина, ни тем более знахарство. Она не была сентиментальна. Просто фисгармония втиснулась в московскую комнату, ноты легли на ее крышку. Вместе с медицинскими брошюрками. Вернее — под ними.

Но только «кабинет» вряд ли стал первопричиной возникших в семье трудностей. Все дело было в детях. Две дочери. Два сына. Стефан Львович считал естественным взять в дом гувернантку, пригласить на уроки учителей. Наконец, само собой разумеется, переезжать на зиму в Ливны, если не в Орел или Москву.

У Нины Илларионовны был свой, не подлежавший обсуждению план. Никаких кормилиц. Материнское молоко очень рано заменялось коровьим: отобранная корова паслась в саду. Никаких воспитателей со стороны. Разговор с матерью на немецком и французском на каждый день. Начатки грамоты и арифметики у нее же. В остальном — казенные учебные заведения, благо в Ливнах уже давно существовало реальное училище и доросла до полного гимназического курса местная женская прогимназия. Пожалуй, без продолжения. Или просто по началу Нина Илларионовна так далеко не загадывала.

Первый шаг предстояло сделать любимице отца — Сонечке. Но оставить одиннадцатилетнюю девочку одну в городском доме, на попечении прислуги! Стефан Львович решил делить свое время между Богдановкой и Ливнами. Путь по железной дороге был невелик, а единственный пассажирский поезд по договоренности с обер-кондуктором специально останавливался на переезде, куда привозили богдановских путешественников собственные лошади.

В доме на Никольской улице стал оживать холостяцкий быт Стефана Львовича. Собирались друзья и знакомые. Рассуждали о его любимых журналах. Перекидывались «по маленькой» в карты. По воскресеньям отец забирал дочь к ранней обедне. Так продолжалось и когда подрос следующий в семье — Федя.

Сонечка хлопот не доставляла. Была молчаливой и не расположенной к детским праздникам. Искала поводов их избегать. Памятуя свою юность, Нина Илларионовна заранее определилась с женихом — наследником местного богатейшего элеваторного хозяйства. Дочери о выборе не говорила: советоваться ни с ней, ни с мужем не собиралась. Все собиралась разом решить после гимназического выпуска. Восемнадцать лет — лучший возраст для замужества.

Но на всякий случай пока Сонечке не полагалось никаких платьев, кроме форменных, зимой и самых простеньких летом, для Богдановки. Гладко зачесанная пепельная головка с высоким открытым лбом. Гости на Никольской состояли главным образом из родственников. Как можно было предположить, что роман возникнет между гимназисткой на выданье и ее троюродным дядей! Правда, штабс-капитаном. Правда, служившим в Варшаве, в командовании западных войск.

Стефан Львович был на стороне молодых, но первая же попытка разговора с Ниной Илларионовной показала всю безнадежность замысла: о согласии матери не могло быть и речи.

Это выглядело нелепостью и абсурдом в последний год XIX века: свадьба «уходом», бегство из родительского дома. Но отец и жених сошлись на ее неизбежности. Может быть, в первый раз Стефан Львович решил настоять на своем. Пусть даже исподтишка. С соблюдением всех мер предосторожности.

Разрешение у архиерея — как-никак существовала родственная связь будущих новобрачных. Договоренность с сельским священником, тоже родственником. Свидетели из приезжих, на которых никогда не согласилась бы Нина Илларионовна. Ставший актером только что образованной труппы Московского художественного общедоступного театра кузен, принявший псевдоним Тезавровский. Белый мавр, как

называли его в Ливнах за необычный профиль и копну мелко завитых волос. И его приятель по театру Всеволод Мейерхольд. Такой же высокий, тонкий, с огромным, поразившим невесту носом.

Свидетели приняли у Стефана Львовича Сонечку, довезли до пустой церкви, сразу закрывшейся на все запоры — от любопытных. Хотя подвенечного платья на невесте не было — светлый дорожный костюм. Шел август 99-го года. После венчания молодые вместе со свидетелями заторопились на первую железнодорожную станцию за Ливнами. Актеры возвращались в Москву, супружеская пара уезжала сразу в Варшаву. Только из Варшавы супруги Матвеевы сообщили Нине Илларионовне о случившемся. И ответа не получили.

Нина Илларионовна не предполагала, что Сонечка унаследовала ее характер. Не имела представления о планах дочери, сразу же оговоренных с Иваном Гавриловичем. Гимназические пятерки по всем точным наукам не были для Софьи Стефановны случайностью. Она думала о продолжении занятий в одном из западноевропейских университетов. Иван Гаврилович не возражал, хотя, может быть, считал разговоры вчерашней гимназистки родом ветряной оспы, которая должна быстро и бесследно пройти. Варшавская жизнь после Ливен и Богдановки — кто бы мог против нее устоять!

Стефан Львович не скрывал от близких: решение судьбы Сонечки должно привести к семейному конфликту. Вероятно, бурному. Не исключено, достаточно затяжному. Счастье любимицы стоило того. Но все сложилось иначе. Нина Илларионовна отказалась от объяснений и замкнулась в себе. За семейным столом воцарилась гробовая тишина. Дети не решались поднять голос. Старшие не разговаривали между собой. Даже в случае необходимости. Через месяц у Стефана Львовича появилось основание перебраться в Ливны: начинался учебный год теперь уже у обоих сыновей. Нина Илларионовна, приезжая проведать Федю и Пашу, предпочитала не задерживаться на Никольской. Сама заезжала в реальное училище. Сама осведомлялась об успехах мальчиков. Семейный разлад стал достоянием всех родных и знакомых.

Ничто не изменилось и за целый год. Сонечка усиленно переписывалась с отцом, отправляя матери коротенькие нарядные поздравления на праздники. С наступлением весны мальчики вернулись в Богдановку. Стефан Львович принимает приглашения близких. Проводит время в поместье Хорошее у Ровенских и охотно перебирается к кузинам в Спасское-Лутовиново. И это была последняя поездка.

«*Дорогая моя милая Сонечка*!

Прежде всего, горячо поздравляю тебя со счастливым разрешением от бремени. Пусть Господь прострет Свою бесконечную милость на твою дочь и пошлет тебе всю меру материнских радостей от возможности воспитать чистую и преисполненную самых высоких побуждений душу. Не вмени мне в вину, что задержалась с ответом на твою просьбу подробно рассказать о последних минутах жизни твоего отца, а нами всеми так любимого брата. Помнила я об этом постоянно, но не хотела огорчать тебя лишними тяжкими впечатлениями до благополучных родов. Теперь же сообщаю тебе все, что знаю, тебе приятно будет узнать, что твое имя стало последним звуком, произнесенным Стефаном Львовичем.

Теперь я думаю, что он недомогал уже тогда, когда приехал в Спасское. Иначе трудно объяснить, почему избегал поездок к знакомым, которые могли хотя несколько развеять его настроение. Из комнат большого дома он предпочитал всем остальным казино (думаю, ты помнишь это смешное название), и Ефимовна говорит, что подолгу просиживал перед окном, глядя в сад. Когда Оля как-то отозвалась при нем о парке, он усиленно стал доказывать, что именно сад, и в этом особая прелесть Спасского, что если бы Нина это поняла, то не стала бы так безобразно переделывать Богдановку, которая теперь больше походит на "сквер". Мо-

жешь себе вообразить, он несколько раз повторял “сквер” с каким-то особенным выражением отвращения. Не могу поверить, что Нина Илларионовна в действительности решилась на такие решительные перемены.

Как раз после такого спора, к вечеру, он отказался от чаю и, извинившись, ушел в свою комнату, а на следующее утро при туалете не нашел в себе силы встать и усиленно извинялся перед нами, что не станет в течение дня выходить. Он и в самом деле устроился в кресле и от еды стал отказываться. После обеда послали за Юрасовским, благо он гостил у Немировских, но напрасно — он уже уехал. Пришлось посылать за нашим земским эскулапом (впрочем, это очень достойный и знающий врач, над которым мы подтруниваем разве что по привычке). Доктор был на родах и добрался до Спасского лишь на следующий день.

К тому времени Стефан уже перебрался с кресла на диван, дышал тяжело, хрипловато и часто вздыхал. Из всех разговоров его больше всего занимал разговор о книгах. Он беспокоился, как они разошлись и удастся ли их собрать, если придется восстанавливать Спасское. Он напоминал также, сколько у него сохранилось книг от батюшки с собственноручными пометками многих родственников, которые имели, как он выразился, “родственный обычай” оставлять повсюду свои автографы. У самого же в руках я заметила Псалтирь с надписью на титульном листе: “1898 г. 1 мая с. Волово Орловской губернии Ливенского уезда”. Значит, приобрел он ее совсем недавно, во время тамошней ярмарки. Псалтирь эту родительскую посылаю тебе и не могу удержаться от замечания. Обложка Псалтири, несмотря на недавнее появление ее в нашем доме, сильно потерта: Стефан Львович не иначе часто и подолгу ее читал.

...Похоронить его Стефан Львович распорядился, если будет на то наше согласие, в Спасском...»

Софья Порфирьевна Лихнякович — Софье Стефановне Матвеевой. 17 сентября 1900 г. «Тургениана». Сборник статей и материалов. Орел, 1999. С. 159—161.

Научный сотрудник Тургеневского литературного музея в Орле Светлана Леонидовна Жидкова расшифрует имена. Оля — Ольга Васильевна Галахова, двоюродная сестра Софьи Порфирьевны Лихнякович, дочери Клеопатры Дмитриевны Сухотиной. Юрасовский Иван Константинович — сын болховского помещика, известный московский врач и общественный деятель. «Подписи Лавровых» — бабка Тургенева по матери Екатерина Ивановна Лутовинова, урожденная Лаврова, во втором браке — Сомова.

С погребением Стефана Львовича в Лутовинове Нина Илларионовна согласилась. На похороны приехала с тремя младшими детьми. Посылать телеграмму в Варшаву сочла бессмысленным. От доводов родных, что мог бы успеть хотя бы Иван Гаврилович, отмахнулась: ему здесь делать нечего. И вообще, если бы не его «афера»... Поставила единственное условие: чтобы отпевал отец Булгаков из Малого Николы в Ливнах. За ним тут же поехали.

Впрочем, в телеграмме в Варшаву нужды не было. В час кончины отца Софья Стефановна увидела странный сон. Незнакомая комната. Старинный диван с расстеленной постелью. Скомканные подушки. Плед. На столике у изголовья свеча в стеклянном подсвечнике. Склянки. Псалтирь в буроватом переплете. Сквозняк... Людей не было. Но она знала: отсюда ушел Стефан Львович. Навсегда.

У них был разговор. Перед самым ее венчанием. Стефан Львович сказал, что, как бы далеко она ни оказалась, он непременно придет проститься с ней. И это будет лишним доказательством: Господь всемогущ и существует, какой бы наукой Сонечка ни занялась.

Телеграмма Софьи Стефановны матери в Богдановку — о последней воле отца дочь не знала, — когда все только что уехали в Лутовиново. Горькое чудо, о котором в семье не любили вспоминать.

Дальнейшая жизнь... Детям пора было возвращаться в гимназию и реальное училище. На девятый и

сороковой день Нина Илларионовна приезжала одна. В Богдановке распорядилась закрыть «библиотечную», где сиживал покойный, ничего не меняя. Когда старший сын Федя захотел захватить с собой в Ливны какие-то книги, неотрез отказала: можно купить новые, такие же. У Стефана Львовича был порядок. Фисгармонию, наоборот, увезла в Ливны. Поставила в гостиной.

Только лето оставалось прежним, размеренным в своих занятиях и многолюдным. И здесь неожиданным помощником оказался Федя. Стал интересоваться всеми хозяйственными делами, особенно скотным двором. Один из всех наблюдал, как Нина Илларионовна лечила скотину, заговаривала кровь у раненной рогом в стаде коровы. Записывал сам. Листал «брульоны». И еще в четвертом классе реального училища заявил, что пойдет в Петровскую сельскохозяйственную академию. Ему единственному было разрешено съездить в Варшаву, но по возвращении вопросов не последовало. Даже в отношении внучки.

Старший сын не был и не стал любимцем. Его «прожектерство» воспринималось снисходительно и иронично: что собирается Федор Стефанович делать с будущим дипломом? Стать государственным чиновником или управляющим в чьем-то имении? Для планов «прожектера» Богдановка явно была мала, да и Нина Илларионовна не собиралась в обозримом будущем превращать ее в опытную лабораторию. Оставалась удачная женитьба. Реалист нарочито бравировал этой темой. Нина Илларионовна пожимала плечами: Сонечкин уход оставался слишком болезненным и оскорбительным.

Нина Илларионовна подозревала и другое. Бунтарский нрав Феди мог подталкивать именно к этой академии с достаточно сомнительной репутацией. Нигде студенты не высказывались так свободно, нигде не устраивали по каждому поводу всяческого рода выступлений. Полиция не теряла интереса к этому «бунтовскому гнезду». За него поплатился В.Г. Короленко северной ссылкой. Сюда приезжал за год до кончины Некрасов. Правда, говорили, что его привело туда литературное любопытство — начинающая детская писательница, будто бы обратившаяся к нему за советом. Но уж совершенно точно петровцы не пожелали прийти на благодарственный молебен по случаю годовщины избавления царской семьи от покушения. Какие только подробности не доходили до Ливен: и то, что студенческий церковный хор не пожелал участвовать в молебствии, и что в церкви академии оказалось во времена богослужения всего-навсего четыре-пять человек из нескольких сотен учащихся. Зато почти все собрались через несколько дней на панихиду по умершему Чернышевскому. При всем безразличии к литературе, в этих оттенках Нина Илларионовна разбиралась. Как и в «ершистом» характере сына.

После варшавского свидания с сестрой Федя перестал обсуждать дома свое намерение. Оно стало окончательным решением. От Нины Илларионовны скрывалось и то обстоятельство, что, оставляя новорожденную дочь на попечение няни, Софья Стефановна сначала начала посещать лекции на математическом факультете Радзивилловского университета, благо дорога до него занимала считанные минуты: от дома на углу Королевской улицы и Саксонского сада до Нового Свята. Стать официальной слушательницей было одинаково невозможно и по правилам российских высших учебных заведений, и тем более по служебному положению мужа. Зато через год число студентов парижской Сорбонны пополнилось «мадам Матвеефф из Варшавы». Иван Гаврилович не отступился от своих слов.

В квартире на Королевской «барынина комната», по выражению кухарки Розы, меньше всего напоминала будуар. Заваленный записями стол. Книжные шкафы. Приспособления для плетения из камыша и образцы «плетенок» — когда-то это был промысел ливенских краев, который хотелось возродить.

Пресс для переплетения книг. Журналы по промышленно-прикладному искусству от Парижа до Осло. Множество самых непонятных вещей: входить к «барыне» не рекомендовалось.

Через пару лет Федя получил разрешение взять в традиционную варшавскую поездку младшего брата Паню — Павла Стефановича, также заканчивавшего ливенское реальное училище. Но пребывание на Королевской оказалось совсем недолгим, о чем так и не узнала Нина Илларионовна. Братья торопились в Петровско-Разумовское, в студенческую среду. К тому же рядом с академией жили на даче родственники. Судьба Пани решилась именно у них — первое знакомство с офицерами летного отряда, и среди них с Г.Кузьминым. Паню и раньше привлекала военная служба: среди родственников было слишком много офицеров. Но теперь он точно решил: армия и авиация. Сразу по окончании реального училища. С любимцем Нина Илларионовна и вовсе спорить не стала. К тому же доходы от Богдановки становились все более сомнительными, и оказывать сыну существенную материальную поддержку она просто не могла.

Ливенский дом наполнился разговорами о полетах Вильбура и Райта. Сто благополучных полетов к 1904 году — это было чудом! Всего через четыре года головокружительные успехи в Европе и Америке братьев Райт. Их моторные бипланы обсуждались всей молодежью. А перелет через Ла-Манш Луи Блерио в 1909 году! Газетных вырезок с сенсационными сообщениями становилось у Нины Илларионовны больше и больше. На хранившемся в «кабинете» большом, из толстой серой бумаги конверте с ними стояла размашистая надпись: «Для Пани». Правильнее было — «От Пани»: Павел Стефанович внимательно следил, чтобы в руки матери попадали только благополучные сообщения. Катастрофы в принципе исключались, хотя Нина Илларионовна не могла о них не догадываться.

...В огромное, широко распахнутое окно тянет прелой землей, первым неверным теплом, едва проклюнувшимися почками и речной сыростью. Вислы не видно — за купами разлатых деревьев, за одинокими островерхими крышами. И она совсем рядом — в дыхании набегающего ветра, лиловатой дымке светящегося воздуха.

Марья Кунцевичева — это ее знаменитый дом в древнем Казимеже на Висле. Ее литературная резиденция, признаваемая и не признаваемая социалистическим правительством. Отвернувшись к окну, бросает: «Неужели мне не придется побывать в России... Мне нужны всего два места... Набережная в Саратове... И дом в Большом Гнездниковском, в Москве...»

Родители писательницы — музыканты, создавали приволжскую консерваторию. Волга — река детства. Дом в Большом Гнездниковском — место встречи читающей публики и первых русских летчиков с Гербертом Уэллсом. В театре «Летучая мышь». Фантастические женские прически. Моднейшие облегающие платья со смелыми разрезами. Шумные студенты в форменных куртках. И летчики. Русские летчики, восторженно смотревшие на автора «Войны миров» — предсказания, чем станет авиация в человеческой истории и в военных действиях.

После Октября семья писательницы возвращается в Польшу («Не знаю, что было здесь возвращением и что эмиграцией!»). Годы привыкания к иному быту. Литературные опыты и успехи — знаменитый «канаповый (диванный) рай» довоенной Варшавы, который никто лучше Марьи Кунцевичевой не сумел описать. Может быть, потому, что был взгляд со стороны. На все ушло семнадцать лет.

1939-й разделил только что сложившуюся семью. Навсегда — с мужем. На долгие годы — с сыном. Единственным. Прошедшим все испытания немецких концлагерей. Облетевшим весь мир бестселлером станет описанная матерью его история — «Тристан 49». Пани Марье

предстояла жизнь в Англии, жизнь и работа в Америке. И упрямое желание находиться в Польше. Хотя бы по несколько месяцев в году. В социалистической Польше ее принимали, но не печатали.

В Лондоне сразу после Второй мировой она встретит Г.Уэллса. Они оба вспомнят Большой Гнездниковский: ее привозили на встречу с писателем родители. Уэллс покажет сохранившиеся фотографии с русскими офицерами-авиаторами. Одним из них был Стефан Львович Лавров. Шел январь 1914-го.

Случайно разысканная спустя пятьдесят с лишним лет свидетельница тех дней напишет дочери Софьи Стефановны и Ивана Гавриловича: «...я хорошо помню Вашего дядю Павла Стефановича. Когда была Нинина свадьба, он и Федор Стефанович приезжали на свадьбу, и все девушки повлюблялись в него. Он был очень красив. Какова его судьба?..» Вопрос через полвека: свадьба состоялась в 1910-м.

На первых порах Павел Стефанович оказался удачливее многих русских авиаторов. Шутливые проекты старшего брата неожиданно реализовались. Он не только окончил Петровскую академию, но и приобрел вместе с женой возможность ставить свои опыты с молочным хозяйством в ее имении в Апрелевке под Москвой. И он использовал свое новое положение, чтобы помочь Пане получить первые навыки воздухоплавания в одной из парижских «летательных школ». С 1911 года военное ведомство открыло в Гатчине авиационный отдел Офицерской воздухоплавательной школы. Популярность авиации становилась фантастической. В один из приездов Нины Илларионовны в Москву Павел Стефанович ведет ее на показательные полеты, производившиеся Императорским московским обществом воздухоплавания на Ходынском поле, и на обед в Английский клуб на Тверской, где размещалось общество. «Время сплошных триумфов безо всяких катастроф», — заметит всегда ироничный Федор Стефанович. Он нарочито подчеркивал свою «приземленность» и что для него самое главное — бесперебойная доставка утренних надоев молока в Москву с помощью... курьерских и скорых, за определенную мзду притормаживавших в Апрелевке.

Катастрофы в авиации существовали всегда. Та, что оборвала жизнь Павла Стефановича, произошла в 1916-м, и даже не в воздухе: в самолет на аэродроме была заложена, как их называли, «адская машина» — взрывное устройство. В непосредственной близости от линии фронта. По поручению Нины Илларионовны Федор Стефанович написал химическим карандашом на мраморной стене кругового коридора храма Христа Спасителя полное имя брата и день его гибели. Это была традиция, сложившаяся в годы Первой мировой войны. К памяти солдат Отечественной 1812-го присоединялись солдаты Первой мировой. Тогда умерла Россия дворянская, теперь — империалистическая.

Без слез и слов Нина Илларионовна постарела сразу на двадцать лет: цветущая женщина под руку с молоденьким поручиком на аллее Богдановки — эта фотография заняла главное место на столе в «кабинете» — обрюзгшая старуха с безразличными глазами и маленьким задиристым петушком у ног среди сумятицы «кабинета». Ее с почти болезненной бережностью хранили все оставшиеся дети. Она отвергала всякие попытки утешения и оставила Богдановку при первых отзвуках октябрьских событий с видимым облегчением. С неожиданной для себя покладистостью подчинилась совету вылеченных ею когда-то крестьян.

Согласились на Воронеж. Ехали через Корино, Борки, ночевали в Землянске. Близ Яндовища переправились через Дон. Семен Антонович Мануйлов, былой староста, взявшийся за переселение «барыни», уверял, что повезло им из-за петуха: кому бы в голову пришло, что настоящая барыня всего имущества имеет горлопана этого да

пустой ящик — гармониум. В самом Воронеже ни о какой квартире и речи не было: у просвирницы соборной в домишке поместились. Туда через сиреневые заросли и потянулись к целительнице первые пациенты. Еле уговорили не ставить на столе, у всех на виду последнюю фотографию Пани: юный офицер с шашкой на фоне густой аллеи. Аллея была задником одного из фотоателье в Ливнах.

Нина Илларионовна убрала ее в ящик и доставала каждый раз, как запиралась в комнате. В одном из писем младшей дочери, долго колебавшейся с замужеством, Нина Илларионовна напишет: «Я не люблю вашего глупого выражения, что человек рожден для счастья. Человек появляется на свет по высшей воле и этой воле должен следовать, чтобы не нарушался общий порядок существования вокруг него. Тебе, маленькой песчинке, в этом существовании что-то может нравиться или, напротив, не нравиться. Твое право или, если хочешь, единственная возможность — это переживать, но уж никак не замахиваться на то, чтобы перекраивать по своим представлениям все мироздание. Это не подчинение чужой воле, а осознание реальных возможностей жизни. Извини, что пишу по-немецки. Знаю, у тебя будут трудности с чтением, но мне так легче выразить свои мысли».

Сашенька, младшая, оставалась с матерью дольше других и могла быть ближе. Казалось. В действительности переживания Нины Илларионовны, связанные с Паней, существенно облегчили ее жизнь. Сашенька как-то незаметно кончила ливенскую гимназию и поступила на Московские высшие женские курсы.

Долг... Привязанность... Или сознание своего места в общем порядке. Та же ливенская барышня, которая спустя полвека вспоминала незаурядную внешность Павла Стефановича, напишет о себе: «Я вышла замуж поздно, в конце 1928 г. на 33 г. жизни. Причины были две: не могла бросить родителей, отчасти и брата Юру, он был молод, а потом, потерпев сердечную травму в 1920 г., не стремилась и не интересовалась семейной жизнью. В мае этого года в Ливнах похоронила любимого человека, умершего от ран. Правда, до 1928 г. я имела еще пять предложений, но сердце молчало, душа оставалась холодной, и, как уже говорила, своих боялась бросить. В 1928 г. почувствовала, что на дорогах жизни одной быть тяжело, родная семья вся отошла в разные стороны, и в это время я уже была директором школы, что тоже было нелегко. И вот после долгих размышлений и советов с папой решилась выйти замуж за теперешнего мужа. С ним и прожила уже 42 г., не имея детей. На войне 1941 г. его контузило. Потерял зубы и слух, а теперь еще от старости глуховат...» Еще через четыре года былой первой ливенской красавицы не стало. Она умерла на руках у мужа.

Вернуться на Высшие курсы Сашеньке не удалось. Александр Григорьевич остался в Красной Армии. Один из видных специалистов по военной картографии получил две, а затем и три шпалы в петличках. Ездил по всей стране налаживать топографическое дело. В бесконечных командировках супруги потеряли первенца — дочь Людмилочку, как раз перед тем, как обосноваться при Центральном картографическом бюро Красной Армии в Москве. Александра Стефановна собралась с духом и выдержала испытания на звание учителя. Народного учителя — по новым методикам и «социально-политическим установкам». Приглянулась Н.К. Крупской, но постаралась уйти с глаз слишком высокого начальства. Больше всего боялась бесчисленных анкет, начинавших заполонять теперь уже советский обиход: всегда можно было неизвестно в чем проговориться, вызвать подозрения: от упоминания места рождения — Богдановки — до партийной принадлежности мужа, в принципе не принимавшего большевистской идеологии. Позиция Александра Григорьевича Богословского отличалась предельной ясностью: никто не вправе бросать из-за личной выго-

ды земли, где родился. Закалку кадетского корпуса он сохранил до конца. В 1937 году.

«...Не могу примириться с несчастьем. Неужели большого дома больше нет? Ведь какие-то вещи там оставались, а восстанавливать его — дело слишком дорогостоящее. Пока-то соберешься с деньгами. Мне стыдно за мой непомерный эгоизм, но я все думаю о тех немногих мелочах, которые остались после папы и за которыми я все не могла собраться приехать.

...О книгах не беспокойтесь: все ли, нет ли, но кое-какие переехали на Королевскую. Если будет в них нужда в связи с музеем, Иван Гаврилович найдет способ их переправить. Никаких трудностей не будет. Две из них (с надписями Лавровых) мне показались особенно интересными.

Дюма — это целый фолиант с богатыми иллюстрациями из издания сочинений. Мне кажется, обе книги куплены во Франции. Но есть и русская — инструкция, как морить клопов, 1842 года. На ее полях заметки от руки — может быть, кто-нибудь из старших?»

Софья Стефановна Матвеева — Софье Порфирьевне Лихнякович. (1908). Париж. Черновик. «Тургениана». Сборник статей и материалов. Орел, 1999. С. 161–162.

Уходили один за другим люди. И самое невероятное — в условиях XX века сохранились вещи. Те, о которых говорят письма. Которых никто не берег — да и как было беречь в коммуналках, в менявшихся условиях существования. С ними жили и если все-таки сохранили, то только душевным теплом и памятью. «Руки должны любить» — необычное выражение Нины Илларионовны Лавровой.

Совсем недавно перешли в Музей А.С. Суворова в Санкт-Петербурге личные вещи давнего штабс-капитана, позже генерала И.Г. Матвеева. Вдова не побоялась хранить на антресолях общей квартиры всю обстановку походной жизни мужа: походную кровать, складывавшуюся вместе с постелью в сундучок, так называемый гинтер, походный письменный стол, кофр — большой баул для перевозки офицерской формы, каждодневной и парадной, и множество других мелочей. Следы учительской работы самой С.С. Матвеевой-Лавровой хранятся в собрании Музея истории Москвы — от работ ее воспитанников до ее собственных изделий из камыша, экспонировавшихся на Первой сельскохозяйственной выставке 1923 года в Москве (плетение из камыша — местный промысел в окрестностях Ливен).

Почти через сто лет после приведенного письма вернулись в Орел, а точнее, в стены, связанные с И.С. Тургеневым, два кавказских паласа, некогда украшавших вместе с висевшим на них (по тогдашней моде) холодным оружием комнатку писателя на антресолях дома № 37 по Остоженке, который Москва так и не может по скупости своей превратить в музей. Об этих паласах вспоминали все бывшие у Тургенева на Остоженке гости, в том числе М.С. Щепкин и П.М. Садовский. Перевезенные после продажи московского дома в Спасское-Лутовиново, они украшали комнату, в которой скончался С.Л. Лавров. Их подарили потомки той же семьи вместе с двумя молитвенниками на французском языке, которыми пользовалась мать писателя (молитвенников на русском Варвара Петровна не признавала), Литературному музею И.С. Тургенева в Орле. И еще ждут своей транспортировки туда же большой кожаный саквояж и саквояж плетеный из Спасского-Лутовинова, оставшиеся там после одного из приездов И.С. Тургенева. Антиквариат? Нет, предметы, не имеющие цены для истории и народной памяти. И даже в наши дни эту память нельзя разменять на сребреники. Просто такого никогда не было в нашей культуре.

06.01.06